

ПОЛОВИНА СОЛНЦА

ПОЛОВИНА СОЛНЦА

ТРЕТЬ СОЛНЦА

ЧЕТВЕРТЬ СОЛНЦА

А Д В О Р О Н О В С К И Й

ПОЛОВИНА
СОЛНЦА

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
В75

Дизайн обложки Елены Окольциной

В оформлении макета использованы
иллюстрации *Keydyles*

Вороновский, Ад.

В75 Половина солнца / Ад Вороновский. — Москва :
Эксмо, 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-04-109702-8

Козло Хэллебор — мальчик, который хотел спасти мир. Олеандр
ла Бэйл — мальчик, который хотел его разрушить. Но теперь все
по-другому, ведь солнце погибает, а они бессмертны.

Одинокий лицей на острове, держащий силой в своих стенах под-
ростков, душист, как душист и весь новый свет.

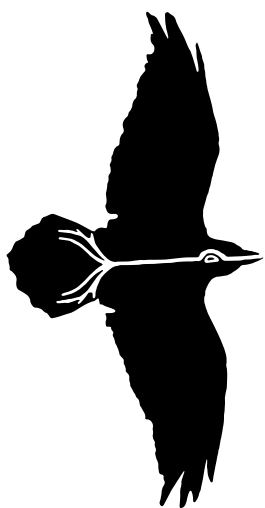
Что станет с теми, кто, обрета бессмертие, продолжит жить в по-
гибающем мире?

Кто они? Спасители человечества? Его разрушители? Боги, анге-
лы, демоны? Уж точно не супергерои.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109702-8

© Вороновский А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

СОЛНЦЕ ПЕРВОЕ

Да рассорятся семьи и настигнет вражда и смерть отчий дом каждого смертного и волнующего. Да погаснет электрический ток человеческий и зажжётся свеча механического сердца. Да появятся из праха и грязи на свете гиблом архангелы, оперённые своим бессмертием. Да воскреснет сын тьмы и наследник смерти живого и мёртвого, да восстанет его существо после сна, пережив число смертей, равное числу отца своего — числу зверя.

СОЛНЦЕ ВТОРОЕ

Да настигнет людской род мор и голод, да обратятся глупцы завоевателями и порабитителями, повторяя ошибки прошлого. Да восстанет символ нового света против гибели своей, да встанет с ним рядом механический свет, указывая путь заблудшим душам во тьме. Да обратится луна кровавым светом, подвластная сыну Белиала, но сын его окажется выше отца своего — отца лжи и разврата, и обратится сын его отцом правды и празднества безумных мудрецов, познавших истину. Да не устанет слушающий жаждать больше истины, вводящейся в жилы архангелов бессмертным потоком. Да прольётся кровь.

СОЛНЦЕ ТРЕТЬЕ

Да вернётся на круги своя свобода и оковы, да сольются воедино боль и наслаждение, да рухнет старый мир и испепелится новый. Да вдохнёт жизнь в мёртвых наследник крови, да оживит мир сын обмана, да сожжёт мир сын умертвлённой и вездесущей зимы, да окунётся мир в пламенный холод. Один из детей дьявола погубит всё.

СОЛНЦЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Да сойдутся вместе семьи, да полягут вместе в землю, да свершится конец, оставив место началу. Да возьмутся за руки дети бессмертия, да увянут бессмертники, да воскреснут опять в последний раз. Да вдохнётся в их лёгкие воздух.

СОЛНЦЕ ПЯТОЕ

Да угаснет свет.

«Табель о солнцах» неизвестного безумца,
год не указан

I

Я УМЕР. РАУНД ЗА ТОБОЙ!

Разбудила меня душераздирающая боль. Впрочем, раздирало мне вовсе не душу, а тело.

Я моментально открыл глаза, хотя обычно по утрам это требовалась уйма времени. Не в полной мере осознавая, сплю я ещё или всё же бодрствую, по старой привычке просыпаться от кошмаров усилием воли я и сейчас прогнал сон прочь, но боль не отступила. Приподнявшись на локтях и глупо осматриваясь по сторонам, я увидел кровь на простыне, полу, рукавах кофты. Машинально я поднёс к глазам и руку. Тиканье часов раздавалось откуда-то издалека, отстукивая темп моего пульса в ушах, и странно — он не учащался.

Кожа с болезненной скоростью покрывалась кровоточащими точками, будто бы меня сжирали изнутри мельчайшие черви. С каждой новой образующейся ранкой становилось всё невыносимее терпеть боль. Я чувствовал, как в кожу впиваются тысячи игл, а сухость в горле ощущалась как тщательно прожёванное битое стекло. Я не успел придумать, что сделать, кроме как подняться с кровати: ноги запутались в одеяле, кровоточащие руки казались ватными — я упал на пол. Нарастающая боль всё же подтолкнула меня встать и броситься в сторону ванной.

Мыслей в голове осталось не так много, но в какой-то определённый роковой миг я понял, что боюсь. На щеках я почувствовал липкое тепло, паника притупляла способность мыслить.

Я не видел стен коридора по бокам от себя, будто бы мир был не совсем реален. Несмотря на это непривычное и вместе с тем же знакомое ощущение, я распахнул дверь и, ощупывая рукой мокрую щеку, добрался до главного места назначения: раковины.

Сухое и хриплое:

— Я умру? — сорвалось с губ вопросом к отражению в зеркале. Человек напротив смотрел на меня немного ошарашенно и одновременно пусто, что было ему несвойственно, и происходящее с каждой секундой всё менее и менее походило на реальность, но ещё меньше — на сон.

Главная же проблема состояла в том, что у меня текла кровь из глаз, а под ними красовались точно такие же алые «веснушки», как и на руках.

Всегда ненавидел веснушчатых. Проклятье.

Я дрожащей и липкой рукой схватил с полки ватный диск и промокнул им кровь на лице. Как будто это чем-то могло помочь. Раны продолжали кровоточить. Не переставая.

Я обернулся к шкафчику и достал перекись водорода.

Аллергия? Между лихорадочными мыслями я продолжал дезинфицировать ранки. Болезнь? Не помогало. Я должен вызвать «Скорую»?

Резко кольнуло сердце. Это забавно, ведь оно у меня искусственное. Это забавно, потому что я не должен об этом думать. В этом был подвох. Я чувствовал подвох... и страх.

Да, теперь я отчётливо это ощущал: меня сковал ужас, заполнивший всю комнату. Он разложился по полочкам, словно пыль, и залез мне в голову, как осенний туман.

Это действительно страшно. Умирать.

Поначалу.

Я чувствовал, как подкашиваются ноги, и упал на кафель, тупо глядя на всё менее похожие на мои собственные руки. Раны на коже расширились, сжирая мою плоть. С лицом было то же самое — я чувствовал это.

Боль окончательно стёрла мысли. И тогда я в конце концов осознал, что перестал что-либо вообще ощущать, кроме неё.

И мне было плевать.

Теперь, в последнее мгновение, я с точностью мог сказать это: я умер.

Я умер, Олеандр ла Бэйл. Раунд за тобой.

Ты снова выиграл.

До недавнего времени я умирал только два раза. Это был третий. Дойду до седьмого — Совы меня завербуют, как и прочих. А это не казалось мне заманчивой перспективой.

Олеан, сидящий за партой позади, с ледяной ухмылкой смотрел на меня. Его синяки под глазами, нездоровые, яркие, на пол-лица, как всегда, придавали светловолосому низкорослому парню некий мрачный шарм.

Мне удалось убить его всего один раз. И то я сильно при этом пострадал.

Олеан вяло помахал мне рукой. Уже в следующую секунду ухмылки на его лице не было.

Я подумал, что лучше бы умирал подольше. Порою уроки и учёба — точно не моя тема, ведь самостоятельно отсеивать ненужную информацию и искать новую куда более актуально, нежели когда это за тебя делает школьная программа.

Умирать, кажется, уже по моей части. Ведь страшно ровно несколько мгновений. А после — чувствуешь перед смертью себя живым, по крайней мере. Хотя бы перед смертью. И почему этого ощущения можно добиться лишь так?

Чёртов ла Бэйл медленно написал что-то на листочке и, скомкав, кинул мне. Выводил он буквы на бумаге с трудом, так как больше привык к клавиатуре, да и вообще у него были проблемы с выполнением обычных человеческих действий. Я насторожённо глянул на учителя, чтобы проверить, не заметил ли он этого жеста.

И укоризненно посмотрел на Олеана.

Он лишь печально улыбнулся. Его совершенно не волновало, заметят его или нет. И действительно — мало кто обращал внимание на мрачного юношу. Только если он начинал говорить, что означало, что тот принял решение всё же заявить о себе в разговоре, который начал казаться ему не совсем бессмысленным. Такое происходило нечасто. В эти моменты я замечал, что у него низковатый для его внешности голос, но приятный, завораживающий. Думаю, петь он определенно не умеет.

Я развернул записку.

«Тебе идут твои новые веснушки!»

Раздражённо выдыхаю. Значит, они всё же останутся навсегда. Какого чёрта он не мог выбрать что-то другое? Прекрасно знает, что я ненавижу веснушки и до сих пор не согласен с тем, что они могут быть похожи на созвездия — по его заверениям. Но нет же, ему просто надо хоть кого-то позлить, вывести из себя, поддеть. В этом весь Олеан.

Главное — выражение лица такое отрешённое, как будто он где-то в другом месте, даже немного печальное. Как и вечные ухмылки, пустота в глазах, усталость в голосе. Сам не могу до конца понять, злюсь я на этого парня или нет.

Я вновь вздохнул и написал ответ. Наблюдая за движущейся по бумаге левой рукой с карандашом в ней, я заметил, что они обе и правда были усыпаны мелкими точками-веснушками, как от аллергии. Он же так меня убил? Как хитро. Какой же он чёртов гений, чтоб его.

«Я обязательно отомщу. Обещаю».

Получив записку, он приподнял брови и закусил губу, как бы говоря: «Ого, а ты сможешь?»

Я нахмурился и отвернулся, когда учитель остановился возле меня и мрачно окинул сердитым взглядом. Он легонько стукнул меня пару раз по затылку маркером и пошёл дальше.

Олеан вновь загадочно и довольно улыбнулся, стоило преподавателю сделать мне замечание.

Но я, конечно, этого не видел.

Урок был последним на сегодня, так что после звонка мы вышли из кабинета и направились к своим комнатам через многочисленные коридоры.

Я снова думал о правилах нашего нового мира. Эти мысли часто захватывали мой разум с тех пор, как меня привезли на остров. Это виделось мне во снах, переливалось на страницах книг назойливым напоминанием, не дающим углубиться в суть текста.

Кто бы мог подумать несколько лет назад, что будущее будет вот таким. Некоторые люди приобретут эти страшные и губительные силы, которые вовсе не делают их «супергероями», не дают определённого преимущества над толпой, поскольку общество разделилось почти ровно напополам.

И смерть обесценится. Обесценится единственная причина жить.

Кто бы только мог подумать. Но именно так оно и было сейчас.

Я посмотрел на Олеана, который всегда помалкивал о своих способностях. Я же молчал о своих мыслях по поводу его скрытности. Мы играли в эту молчанку с самого знакомства, непонятно почему и зачем. Так же как мы играли в игру жизни и смерти — либо ты, либо тебя. Игры с сознанием и телом, бессмертием и смертностью. Игра без начала и конца.

От него буквально разило тишиной. Он никогда не рассказывал, что чувствует: ни мне, ни кому-либо ещё, если и были люди, на которых ему не было бы плевать. А если и говорил что-то, то ровно столько, сколько нужно было, чтобы я и дальше его не понимал. Не понимал, что у него на душе и кто он такой по своей сути. Не понимал до самого конца. Чем больше ты знаешь из того, из чего не можешь вычленить главное, тем меньше ты это понимаешь. Не так, как в науке, где новые знания подталкивают тебя к верному ответу. Почему отношения с людьми не могут быть столь же точны?

Я хотел окликнуть Олеана, но вспомнил, что он не любит имена. Вообще. Как бы... Против этой идеи.

Никогда не понимал этого. Но мне было не впервой. Мне не нужно было понимать человека, чтобы общаться с ним.

— Хэй, — я остановился, как часто происходило, когда я задумывался. — А ты боишься смерти?

Олеан тоже замер, обернувшись на меня. Невысокий, искусанные в кровь губы, хорошо очерченные скулы. Не совсем типичный, не совсем фрик. Люди не любят таких больше всего. Это *слишком* непонятно.

Мне показалось на секунду, что он окинул меня взглядом, полным сочувствия и цинизма. Словно спрашивал: «Ты правда идиот или это была несмешная шутка?» Мы с ним часто говорили таким образом. Не говоря.

Он улыбнулся.

Он всегда улыбался, когда рассказывал о каких-то страшных вещах. Вещах, ведая о которых, не улыбается никто.

Однако он всё же ответил. Тупой это был вопрос или вообще шутка его больше не интересовало.

— Смерть больше не так пугает нас, как в былые времена. Но вот проблема, — он посмотрел себе под ноги. — Раньше умереть боялись больше чего бы то ни было. А теперь тем, кто попал в этот круг бессмертия... бояться нечего. И это заставляет их бояться всего.

Он шаркнул ногой по линолеуму и отвернулся.

— Пойдём быстрее. Хочу покурить.

Я всё ещё стоял и смотрел вслед парню с чёрными дырами под глазами — так я называл его синяки — и думал о том, что иногда он говорит невероятные вещи. И очень странные.

Впрочем, у каждого своё безумие. Безумие Олеана состояло в том, что оно не было безумием. По крайней мере, я в это верил.

Опомнившись, я поспешил за своим врагом. Он уже достал из кармана свой ключ и воткнул его в замок нашей двери. Я задумался, зайти ли к Эндрю, но отбросил эту мысль. Хотелось побыть в одиночестве, когда ты без причины хочешь сидеть в тишине и стараться ни о чём не думать, при этом обдумывая вообще всё.

Я так привык к сожительству с Олеаном, что перестал считать его посторонним. Да и пространство наше разделялось занавесью — очень удобно.

Я проскользнул в общую комнату вслед за ним и закрыл дверь. Хмыкнул, снова вспомнив о том, как Олеан, проклиная весь лицей, повесил на ней табличку «ВАЛИ ПРОЧЬ». Он очень не любил незваных гостей, да и званых тоже.

